

ФРАНСИН РИВЕРС
НАДЕЖДА МАТЕРИ

Посвящается Шэннон и Андреа

Благодарности

Большая часть романа, который вы собираетесь прочитать, — вымысел, хотя в его повествование вплетены нити истории моей семьи. За последние два года рукопись не раз меняла форму и в конце концов трансформировалась в сагу. Многие люди помогли мне писать истории Марты и Хильдемары, изложенные в первом томе, который Вы сейчас держите в руках. А написать второй том мне помогли Каролин и Мей Флауэр Дорн. Я хочу поблагодарить их обеих вместе и каждую в отдельности.

Моему мужу Рику, как никому другому, пришлось пройти через многочисленные испытания: он выслушивал каждый вариант истории, пока герои обретали форму в моем воображении, он же был моим первым редактором.

Любой семье нужен свой летописец, и мой брат, Эверет, прекрасно справляется с этой ролью. Он прислал мне сотни семенных фотографий, которые помогли оживить историю. Я также получила неоценимую поддержку от кузины, Морин Розьер, она самым подробным образом описала ранчо нашего деда, где он выращивал виноград и миндаль, и я использовала эти сведения в своем романе. А мой муж и мой брат поделились своими впечатлениями о Вьетнаме.

Китти Бриггз, Шэннон Койбион (моя дочь) и Холли Хардер рассказали мне, как живут жены военных. Холли постоянно мне помогала. Никогда не встречала человека, который бы мог так быстро добывать информацию из Интернета! Как только на моем пути вставала стена, Холли ее разрушала. Спасибо, Холли!

Сын Холли, лейтенант армии США Даниель Хардер, предоставил мне информацию об инженерно-технической программе и службе подготовки офицеров резерва в Калифорнийском политехническом университете. Сейчас он находится на действительной службе, и мы не забываем о нем в своих молитвах.

Ида Форденбругган, медицинская сестра и подруга моей матери, помогала мне своими познаниями в уходе за хроническими больными в больнице Арройо-дель-Валле. Наша переписка доставляла мне большое удовольствие.

Курт Тиль и Роберт Швинн отвечали на мои вопросы о Христианском обществе Inter-Varsity. Продолжайте ваше дело, господа!

Гид компании Глобус-тур Джоппи Виссинг изменил маршрут автобуса, чтобы мы с Риком могли побродить по родному городу моей бабушки, Стеффисбургу, в Швейцарии.

На протяжении всего проекта у меня не было проблем в поиске партнеров для «мозгового штурма», когда мне это было нужно. Коллин Филлипс поднимал важные вопросы и вдохновлял меня с самого начала. У Робина Ли Хатчера и Санни Джеффер всегда имелись идеи и интересные предложения, когда я не знала, куда двигаться дальше. Мой агент, Даниель Иган-Миллер, и ассистент, Джоанна Маккензи, помогли мне реструктурировать роман, чтобы передать историю так, как я хотела.

Я также хочу поблагодарить Карен Уотсон из Tynedale House Publishers за ее умение ухватить суть проблемы и за поддержку. Она помогла мне увидеть героев яснее. И, естественно, каждому писателю нужен редактор. Мне очень повезло в этом плане: для Кейти Олсон процесс правки всегда был увлекательным и захватывающим, а не мучительным, как часто случается.

И в конце я хочу поблагодарить Господа за мою мать и бабушку. Их жизни и дневники моей матери вдохновили меня написать об отношениях, которые складываются между матерью и дочерью. Они обе были трудолюбивыми и верующими. Обе умерли несколько лет назад, но я хочу верить, что они вполне живы и наслаждаются обществом друг друга. А когда-нибудь и я с ними встречу.

Марта

Глава 1

СТЕФФИСБУРГ, ШВЕЙЦАРИЯ

1901 год

Обычно Марта любила воскресенье, потому что только в этот день папа закрывал мастерскую и мама могла немного отдохнуть. Вся семья надевала лучшую одежду и отправлялась пешком в церковь: папа и мама впереди, сразу за ними шел старший брат Марты, Герман, а Марта и ее младшая сестра, Элис, замыкали шествие. Обычно по дороге к ним присоединялись другие семьи. Марта старательно высматривала свою лучшую подругу Розу Гилган, которая бегом спускалась с холма, чтобы вместе с ней

пройти остаток пути до старой церкви в романском стиле с наглухо заделанными арками и белой башней с часами.

Но сегодня Марта шла, понутив голову, ей очень хотелось убежать и спрятаться среди сосен и ольхи, пока горожане собирались на службу. Она присела бы на поваленное дерево и спросила у Господа, за что отец презирает ее и почему постоянно старается заставить ее страдать. Сегодня она не стала бы жаловаться, если бы папа велел ей остаться дома и работать в мастерской в одиночку, а потом всю неделю не показываться на улице, хотя синяки все равно вряд ли так быстро сойдут.

Несмотря на следы побоев на ее лице, папа настоял, чтобы все отправились в церковь. Марта надела вязаную шапочку и низко опустила голову, надеясь, что никто не обратит на нее внимания. Уже не в первый раз на ее теле оставались следы отцовского гнева. Если люди подходили ближе, Марта укутывалась в шерстяной шарф и отворачивалась.

Когда они зашли в церковный двор, папа отправил маму с Элис и Германом вперед, а Марту схватил за локоть и прошипел на ухо:

— Ты сядешь сзади.

— Люди захотят узнать, почему я там сижу.

— А я скажу им правду. Ты была наказана за непослушание. — Его пальцы сжали локоть, причиняя боль, но Марта не издала ни звука. — Не поднимай головы. Никто не хочет смотреть на твое уродливое лицо. — Он выпустил ее руку и прошел в храм.

Глотая слезы, Марта вошла одна и села в последнем ряду стульев с прямыми спинками.

Она видела, как отец сел рядом с мамой, затем оглянулся, и девочка поспешила опустить голову, она решила снова посмотреть, только когда он, наконец, устроился поудобнее. Ее сестра Элис, слишком бледная и напряженная для ребенка ее возраста, посмотрела через плечо. Мама придвинулась к ней и что-то зашептала, Элис стала смотреть вперед. Герман сидел между мамой и папой и вертел головой по сторонам. Конечно же, он высматривает своих друзей, а как только служба закончится, моментально исчезнет.

Вошла Роза и присела в одном из передних рядов. У Гилганов было восемь детей, они занимали целый ряд. Роза посмотрела в сторону мамы и папы Марты, затем назад. Марта спряталась за герра Беккера, сидевшего перед ней. Немного подождала и снова выдвинулась из-за спины булочника.

Шепот прекратился, когда священник встал за кафедру. Он начал службу с молитвы. Вместе со всей паствой Марта повторяла слова молитвы о прощении и слушала

заверения священника о милосердии и всепрощении Господа. Когда был прочитан Символ веры и отрывок из Священного Писания, Марта позволила себе отвлечься, и мысли закружились, словно снег над альпийскими лугами возле Стеффисбурга. Она представила себе, что раскидывает руки, словно крылья, а белые снежинки поднимают ее и несут по воле Божьей.

«И куда же я полечу?» — спросила она себя.

Голос священника стал громче, он читал проповедь. Он всегда говорил одно и то же, только разными словами, и каждый раз приводил другие примеры из Библии.

«Трудитесь. Вера мертва без добрых дел. Не будьте созерцателями. Те, кто отворачивается от Господа, обречены на вечные муки».

Неужели Господь, как папа, никогда не бывает доволен, сколько ни стараешься? Папа верил в Господа, но разве он когда-нибудь проявлял к ней милосердие? А если он верил, что всех создал Господь, почему он недоволен, что она такая высокая, такая худая, что кожа у нее бледная, а руки и ноги большие? На этот раз отец ругал ее за то, что она сдала экзамены в школе, отчего, как он сказал, «Герман выглядел дураком!»

Она попыталась защищаться: «Герман не желает трудиться. Ему больше нравится лазать по горам, чем учиться». Но лучше бы она этого не делала.

Папа набросился на нее. Мама пыталась встать между ними, но он грубо отпихнул ее.

— Ты воображаешь, что можешь так со мной разговаривать и что это сойдет тебе с рук? — Кричал он. Марта вскинула руку, защищаясь, но это ее не спасло.

— Йохан, не надо! — вскричала мама.

Не выпуская руку Марты, он повернулся к маме:

— Только не говори...

— И сколько раз нам следует подставлять другую щеку, папа? — Всякий раз, когда отец угрожал матери, Марту охватывал жар.

И в это момент он ее ударил. Потом тотчас выпустил руку девочки и наклонился над ней.

— Она сама меня вынудила. Ты же слышала! Отец не должен терпеть дерзость в собственном доме!

Марта не знала, что потеряла сознание, пока мама не погладила ее по голове:

— Лежи, Марта. Элис сейчас принесет мокрое полотенце. — Марта слышала плач Элис. — Папа пошел к кожевнику. Он нес скоро придет. — Мама взяла в руки полотенце, которое принесла Элис. Марта старалась не дышать, когда мама промокала разбитую губу. — Не нужно было злить отца.

— Значит, я виновата.

— Я этого не говорила.

— Я сдала экзамены с самыми высокими баллами в школе, а меня за это побили.

Где Герман? Бродит где-то в горах?

Мама погладила ее по щеке:

— Ты должна простить отца. Он не сдержался. Он сам не понимал, что делал.

Мама всегда находила ему оправдания, как папа находил оправдания для Германа.

Но никто не искал оправданий для нее.

— Прости его, — сказала мама, — до седмижды семидесяти раз. Прости!

Когда священник говорил о Боге-Отце, Марта кривила рот. Лучше бы Господь был как мама.

Служба, наконец, закончилась, Марта подождала, пока отец даст ей знак подойти к семье. Она шагала рядом с Элис, низко опустив голову.

— Йохан Шнайдер!

Папа повернулся на голос герра Гилгана. Мужчины пожали друг другу руки и начали разговор. Герман воспользовался возможностью и отошел к друзьям, и они все вместе направились вверх по холму. Мама взяла Элис за руку, когда к ним присоединилась фрау Гилган.

— Где ты была всю неделю? — спросила Роза Марту, когда та повернулась к ней. Увидев ее лицо, Роза вскрикнула: — Ой, Марта. — Она сочувственно покачала головой. — Снова? И что за причина на этот раз?

— Школа.

— Но ты ведь сдала экзамен!

— Зато Герман не сдал.

— Но это же нечестно.

Марта пожала плечами и вяло улыбнулась:

— Бесполезно говорить ему об этом.

Рози никогда не сможет ее понять, ведь ее отец просто обожал дочь. Герр Гилган обожал всех своих детей. Они все вместе работали в отеле «Эдельвейс», помогая друг другу. Они добродушно потшучивали друг над другом, но никогда ни над кем не насмеялись и никого не унижали. Если у кого-то из них возникали сложности, остальные смыкали ряды вокруг него и помогали.

Иногда Марта завидовала подруге. Каждый член семьи обязательно заканчивал школу. Мальчики отправятся на два года в швейцарскую армию, а потом поедут в Берн или Цюрих в университет. Роза и ее сестры учатся хорошо готовить и справляться с

большим хозяйством, где приходится обслуживать до тридцати гостей. Ее научат французскому, английскому и итальянскому. Но если у Розы появятся другие желания, ее отец не станет ей мешать только потому, что она девочка. Он отправит ее в университет вместе с братьями.

А ей отец, когда вернулся от кожевника, объявил:

— Ты уже достаточно поучилась в школе. И ты достаточно взрослая, чтобы взять на себя часть финансового бремени семьи.

Марта умоляла его оставить ее в школе еще на год, но безрезультатно.

На глаза девочки набежали слезы:

— Папа сказал, что я умею писать, читать и знаю арифметику, и этого достаточно.

— Но тебе ведь только двенадцать, и если кто-то должен пойти в университет из нашего класса, так это ты.

— У меня не будет университета. Папа сказал, что со школой покончено.

— Но почему?

— Папа считает, что в школе девочка набирается всякой чепухи.

Под словом «чепуха» он подразумевал честолюбие. А у Марты оно было. Она рассчитывала, что, получив образование, обретет большой выбор и решит, чем заняться в своей жизни. На что отец заявил, будто она зазналась и пора поставить ее на место.

Рози взяла Марту за руку:

— Возможно, он еще передумает и позволит тебе вернуться в школу. Я уверена, что герр Шольц захочет поговорить с ним об этом.

Герр Шольц, конечно, может попытаться, но отец не станет его слушать. Если он принял решение, его не остановит даже лавина.

— Это не поможет, Роза.

— И что же ты будешь делать?

— Папа хочет отдать меня в услужение.

— Марта! — Марта подскочила от окрика отца. Он грозно посмотрел на нее и жестом велел подойти. Роза не выпустила руку подруги, а подошла вместе с ней.

Фрау Гилган пристально посмотрела на Марту.

— Что случилось с твоим лицом? — она бросила сердитый взгляд на отца.

Отец в ответ уставился на нее:

— Она упала с лестницы. — И предостерегающе посмотрел на Марту. — Она такая неуклюжая. Только посмотрите на ее большие руки и ноги.

Глаза фрау Гилган вспыхнули:

— Она дорастет до них. — Муж взял ее под руку.

Мама протянула руку Марте:

— Идем. Элис замерзла. Нам пора домой. — Элис прижималась к матери, ни на кого не глядя.

Рози крепко обняла Марту и шепнула ей:

— Я попрошу отца нанять тебя!

Марта не смела надеяться, что отец согласится, — он ведь знал, как ей хочется работать у Гилганов.

Днем папа ушел и не возвращался до самого вечера, а когда вернулся, от него пахло пивом и он выглядел вполне довольным собой.

— Марта! — Он стукнул ладонью по столу. — Я нашел тебе работу.

Теперь каждое утро ей придется работать у Беккеров в хлебопекарне.

— Ты должна быть на месте в четыре утра.

А еще три дня в неделю днем она должна будет работать у Зиммеров. Доктор решил, что его жене нужно иногда отдыхать от их беспокойного новорожденного.

И это было не все. Отец добавил:

— А фрау Фахс говорит, что могла бы взять тебя для ухода за ульями, скоро она будет собирать мед. Будешь работать у нее по вечерам, когда ей будет нужно. — Он откинулся на спинку стула. — А еще будешь работать в отеле «Эдельвейс» два дня в неделю. — Он пристально всматривался в ее лицо. — И не надейся, что будешь распивать чай с печеньем у своей подружки. Ты будешь там работать. Понятно?

— Да, папа. — Марта сцепила руки, стараясь не выказать радость.

— И не смей ничего просить. Ни у кого из них. Герр Беккер будет расплачиваться хлебом, фрау Фахс медом, когда придет время. А все остальные расплатятся со мной, а не с тобой.

Марту окатило жаром, сначала ноги и руки, потом жар поднялся к шее, перешел на щеки и жег ее, как лава под покрытой пеплом землей:

— Я ничего не буду получать, папа? Вовсе ничего?

— Ты имеешь крышу над головой и еду на тарелке. Ты одета. И пока ты живешь в моем доме, все, что ты зарабатываешь, принадлежит мне. — Он отвернулся: — Анна! — закричал он на маму. — Ты закончила платье для фрау Келлер?

— Сейчас занимаюсь им, Йохан.

Папа нахмурился и снова закричал:

— Она желает получить его к концу недели! Если ты его не дошьешь, она отдаст заказ другой портнихе! — Папа вскинул голову и повернулся к Марте: — Иди, помоги матери.

Марта присела рядом с мамой у камина. Возле мамы на столе стояла коробка с цветными нитками, черная шерстяная ткань, частично уже вышитая, была разложена на коленях. Мама сильно закашлялась, прижимая платок к губам, потом сложила его и сунула в карман передника, прежде чем снова приняться за шитье. По бледности ее лица, по темным кругам под глазами не трудно было догадаться, что мама снова нездорова.

— Помоги сестре, Марта. У нее снова разболелась голова.

Элис весь вечер трудилась над своим кусочком вышивки, каждый стежок давался ей с трудом, от старания она морщила лобик. Марта помогала ей, пока не вернулся отец. Единственное, что Элис могла делать хорошо, это подгибать подол, вся остальная тонкая работа ложилась на маму и Марту. В школе Элис училась с трудом, как и Герман, только по другим причинам. В свои десять лет она едва могла читать и писать. Однако недостаток ума и сноровки с лихвой компенсировался ее редкой, утонченной красотой. Мама с удовольствием расчесывала и заплетала ее длинные до пояса почти белые волосы. У девочки была безупречная алебастровая кожа и огромные невинные синие глаза. Отец ничего не требовал от нее, он гордился ее красотой, а иногда вел себя с ней так, словно обладал бесценным произведением искусства.

Марта беспокоилась за сестру. Возможно, отец прав относительно поклонников, но он не понимал затаенных страхов Элис. Она почти полностью зависела от матери, впадала в истерику, когда отец начинал злиться, хотя никогда в жизни он не тронул ее и пальцем. Ему придется когда-нибудь присмотреть для Элис порядочного мужчину, с деньгами и положением.

Марта каждую ночь молилась, чтобы Господь благословил сестру и подарил ей хорошего мужа, который бы заботился о ней и защищал, чтобы имел достаточно денег и мог нанять работников, которые будут готовить еду, убирать дом и растить детей. Элис никогда не сможет выполнять эти обязанности.

Марта переставила табуретку и села рядом с матерью:

— Фрау Келлер всегда желает, чтобы ее заказы выполнялись еще вчера.

— Она хорошая клиентка. — Мама аккуратно разложила часть юбки на коленях Марты, чтобы они могли работать одновременно.

— Я бы так не сказала, мама. Эта женщина — тиран.

— Ничего нет плохого в том, чтобы знать, чего хочешь.

— Если собираешься за это платить, — сердито бросила Марта.

Да, папа попросит оплаты за дополнительную работу, но фрау Келлер откажется платить. Если папа начнет давить, фрау Келлер обидится «на такое отношение» и припугнет, что отдаст заказы «кому-нибудь, кто оценит ее щедрость». Она напомнит

отцу, что заказывает шесть платьев в год и что он должен быть благодарен ей за это в такие трудные времена. Папа начнет униженно извиняться, затем добавит, сколько сможет, к ее долгу за костюмы, сшитые им для герра Келлера. Иногда папе приходилось ждать полгода, чтобы получить хотя бы частичную оплату. Неудивительно, что Келлеры богаты. Они цепляются за деньги, как лишайник за камень.

— На месте папы я брала бы часть оплаты вперед, а полный расчет — до того, как клиент получит готовое изделие.

Мама тихонько рассмеялась:

— Как много огня в двенадцатилетней девочке.

Марта очень сомневалась, что мать закончит юбку в срок. Девочка вставила в иголку розовую нить и приступила к вышиванию розочек.

— Папа нашел мне работу, мама. — Тихо сказала она.

Мать вздохнула:

— Я знаю, милая. — Она выхватила свой платочек из кармана и прижала к губам.

Когда приступ кашля прошел, она положила платок в карман и долго не могла отдышаться.

— Ты кашляешь все больше.

— Я знаю. Это оттого, что я когда-то работала на сигарной фабрике. Летом будет легче. — Летом мама могла сидеть на улице и работать на свежем воздухе, а не в задымленном помещении.

— Кашель никогда не проходит, мама. Тебе следует обратиться к доктору. — Может быть, работая у врача, Марта сможет расспросить его, как помочь матери.

— Давай не думать об этом сейчас. Фрау Келлер ждет свое платье!

Марта быстро приспособилась к своему рабочему графику. Она вставала затемно, одевалась и шла к дому булочника. Когда фрау Беккер впускала ее в дом, там уже пахло хлебом, стоящим в печи. Марта шла на кухню и рубила орехи для орехового торта, пока фрау Беккер вымешивала тесто для шоколадного кекса.

— Сегодня выпекаем магенброт, — объявил герр Беккер, растянул тесто в длинную колбаску и принялся резать ее на маленькие кусочки. — Марта, обмакни их в масло и обваляй в корице и изюме, а потом разложи по формочкам для ангельского бисквита.

Марта работала споро, ведь за ней наблюдали оба Беккера. Фрау Беккер разлила темное тесто по формам и передала деревянную ложку Марте:

— Давай. Оближи ее.

Герр Беккер рассмеялся:

— Ага, посмотри Фанни, как девочка улыбается. — Он в это время отбивал тесто.

— Ты быстро учишься, Марта, — он подмигнул жене. — Нужно научить ее печь Богоявленские пироги* в это Рождество. Согласна?

* Богоявленские пироги (драйкёнигсхуен) — эти пироги подавали только 6 января в день Богоявления. — *Примеч. пер.*

— И пряники лебкхуен. — Фрау Беккер подмигнула Марте. Мама любила это пряное лакомство. — А еще марципаны. — Фрау Беккер взяла ложку и бросила ее в раковину. — Сегодня я научу тебя делать сливочное печенье. — Она поставила на кухонный стол масло, муку и сахар. — А завтра — печь анисовое печенье.

Когда пекарня открылась для покупателей, фрау Беккер дала Марте два батона к завтраку в оплату и добавила:

— Ты хорошо работаешь.

Марта отнесла хлеб маме и съела тарелку мюслей. Потом занялась домашними делами, а после раннего обеда отправилась мимо школьных зданий к дому доктора.

Дверь открыла Фрау Зиммер, она явно была раздражена.

— Вот! Забери его! — Женщина швырнула кричащего младенца Марте на руки и схватила свою шаль. — Я пошла к подруге. — Она обошла девочку и выскользнула на улицу, ни разу не оглянувшись.

Марта вошла в дом и закрыла дверь, чтобы люди не слышали крика ребенка. Сначала девочка ходила по комнате с малышом на руках и пела церковные гимны. Но маленький Эврд не желал успокаиваться, тогда Марта принялась его качать. Потом проверила подгузник. В конце концов, потеряв терпение, она положила ребенка на ковер:

— Давай, ори, пока не надорвешься.

Малыш неожиданно замолчал и перевернулся на животик. Выгнув спинку, он уперся ручками и принялся молотить ножками. Марта рассмеялась.

— Ты, наверное, просто хотел немного свободы? — Она собрала разбросанные игрушки и разложила перед ним. Он стал еще сильнее бить ножками, радостно гугукая. Затем завизжал, сжимая и разжимая кулачки.

— Достань сам! Я не стану тебе помогать. — Ему удалось проползти несколько дюймов и схватить погремушку. Марта хлопала в ладоши.

— Какой ты молодец, Эврд! — он перекатился на спинку.

Когда ребенок достаточно устал, Марта взяла его на руки и укачала. Через час пришла фрау Зиммер, явно отдохнувшая. Она остановилась и прислушалась, насторожившись.

— С ним все в порядке? — Она поспешила к кроватке и заглянула в нее. — Он спит! Он никогда не спит днем. Как ты это сделала?

— Я позволила ему поиграть на ковре. Он учился ползать.

На следующий день Марта отправилась на холм, в отель «Эдельвейс», где фрау Гилган дала ей задание снять с постелей белье и поменять наматрасники и одеяла. Марта взбивала одеяла и сворачивала их в рулон. Потом она отнесла белье в прачечную на первый этаж. Фрау Гилган работала вместе с ней, рассказывая интересные истории о бывших постояльцах:

— Естественно, попадают такие, кто всегда всем недоволен, что для них ни делай, и такие, кто ломает ноги, катаясь на лыжах.

Две сестры Розы управлялись с корытами и кипятили большие кастрюли воды на дровяной плите. У Марты заболели руки от перемешивания белья: она опускала простыни и одеяла в воду, крутила их, переворачивала, разглаживала складки, снова перемешивала. Кристен, старшая из девочек, подхватывала простыню и вытаскивала ее из воды, затем складывала и выкручивала, а вода стекала назад в корыто. Потом она бросала простыню в корыто с горячей водой для полоскания.

На оконные рамы ложились снежинки, а по лицу Марты стекали капельки пота. Она вытирала их рукавом.

— Ой! — Фрау Гилган подошла и протянула к ней руки, сильные, квадратные, покрасневшие и в мозолях от многих лет стирки. — Дай-ка взглянуть на твои руки, Марта. — Фрау Гилган перевернула ее ладони вверх и прищелкнула языком: — Волдыри. Я не должна была давать тебя так много работать в первый же день, но ты не жаловалась, а я не обратила на это внимание. Теперь они распухнут, и ты не сможешь шить.

— Но ведь осталась целая стопка нестиранного белья.

Фрау Гилган рассмеялась:

— Ну да, для этого и существуют мои дочери. — Она обняла Марту. Отправляйся наверх. Роза сейчас вернется из школы. Она захочет попить с тобой чаю, пока ты здесь. А если у тебя найдется немного времени — ей нужна помощь по географии.

Марта ответила, что с радостью поможет.

Роза, увидев ее, закричала:

— Марта! Я и забыла, что ты приступила к работе сегодня. Я так рада, что ты в нашем доме! Мне не хватало тебя в школе. Без тебя все не так. Никто не может ответить на трудные вопросы герра Шольца.

— Твоя мама сказала, что тебе нужна помощь в географии.

— Ой, только не сейчас. Мне столько нужно тебе рассказать. Пойдем, прогуляемся.

Марта догадывалась, что ей придется выслушать подробности обо всех проделках Арика Брехтвальда. Розы была в него влюблена с того самого дня, когда он выловил ее из речки. Бесплезно было напоминать, что именно из-за Арика она упала в воду. Это он уговорил ее перейти Цулг вброд. Розы добралась до середины, но поскользнулась на камне, и ее понесло к перекату, но Арику удалось поймать ее. Он вытащил девочку из речки и отнес на берег на руках. И с тех пор Арик стал для Розы рыцарем в сияющих доспехах.

Снег продолжал идти, белый ковер, покрывший Стеффисбург, становился все толще. Из труб поднимался дым, он причудливо извивался и постепенно растворялся в морозном воздухе. Розы весело болтала, а Марта устало плелась рядом. Белые заносы покрыли альпийские луга, через несколько месяцев они снова зазеленеют, на них появятся пятна красных, желтых и голубых цветов, столь привлекательных для пчел фрау Фахс, и к тому же питательных. Розы стряхнула снег с бревна и села так, чтобы видеть отель «Эдельвейс», который находился внизу. Если бы день был ясным, они увидели бы замок Тун и озеро Тун, похожее на серое стекло.

Но сегодня солнце, закрытое облаками, казалось белым, едва различимым шаром, готовым нырнуть за гору позади Интерлакена.

От дыхания у девочек изо рта клубился пар. Марта слушала болтовню Розы об Арике, и глаза застилали слезы. У подруги нет иных забот, только одна — нравится ли она Арику. Марта крепко сжала губы, чтобы не чувствовать зависть. Возможно, папа прав. Они с Розы недолго будут подругами, разница в их положении воздвигнет глухую стену между ними. Теперь Марта работает на Гигланов. Она больше не подруга, которая забегает, чтобы попить чаю и поболтать, пока мама Розы угощает их анисовым печеньем и горячим шоколадом в чудесных фарфоровых чашках. Теперь все изменится, и осознавать это было невыносимо.

Поскольку папа забрал ее из школы, она сможет быть только служанкой или нянчить чужих капризных детей. Она могла бы помогать маме в шитье, но мама так мало зарабатывает, особенно если учесть, сколько часов ей приходится проводить за работой на женщин вроде фрау Келлер, которые требуют идеального результата за гроши. К тому

же, маме не доставалось ни франка из этих денег. Папа забирал все деньги и жаловался, что их мало, хотя всегда находил на пиво для себя.

Рози обняла Марту за плечи:

— Не нужно печалиться.

Марта резко встала и пошла прочь:

— Герр Шольц обещал учить меня французскому. И я могла бы продолжить заниматься латынью. Если я буду знать, хотя бы еще один язык, то когда-нибудь я смогу найти достойную работу где-нибудь в Интерлакене. Если же папа не изменит свое отношение ко мне, я никогда не смогу стать никем, кроме служанки. — Как только она произнесла эти горькие слова, ей стало стыдно. Как она может говорить такое Розе? — Это не значит, будто я не благодарна твоим родителям. Твоя мама была так ко мне добра сегодня...

— Родители любят тебя как дочь.

— Потому что ты всегда относилась ко мне как к сестре.

— Ничто не изменится, оттого что ты больше не ходишь в школу. Как бы я хотела ее бросить. Я с большим удовольствием оставалась бы дома и помогала маме, вместо того чтобы пытаться вбивать себе в голову какие-то факты.

— Ах, Рози, — Марта закрыла лицо руками, — я бы отдала все, чтобы закончить хотя бы среднюю школу.

— Я могу давать тебе книжки.

— Теперь у меня нет времени. Папа постарался. — Марта смотрела на покрытые облаками горы, и они напомнили ей стены тюрьмы. Отец собирается держать ее взаперти. Она была сильнее и здоровее матери. Она училась быстрее, чем Герман и Элис. Но Герман уедет в университет. Элис выйдет замуж. А Марту оставят дома. В конце концов, кто-то должен работать по дому, когда мама не сможет этого делать!

— Мне пора домой, нужно помочь маме.

Пока они спускались с холма, Роза держала подругу за руку:

— Возможно, когда Герман перейдет в среднюю школу, папа позволит тебе вернуться к учебе...

— Герман снова провалится. У него нет способностей к учебе.

Зато в следующий раз у папы не будет повода обвинять ее.

Глава 2

Два года Марта работала у Беккеров, Зиммеров и Гилганов. Зимой она также работала у фрау Фахс, окуривала пчел, чтобы они оцепенели, и обирала их ульи. Марта крутила ручку медогонки, чтобы выдавить мед из сот. После многих дней тяжелого труда фрау Фахс расплатилась медом, всего два маленьких горшочка. Когда папа увидел их, он пришел в ярость, и разбил один об стену.

Ну, что ж, хотя бы маме и Элис нравились батоны к завтраку, которые Марта приносила домой из пекарни, а иногда ей давали даже печенье. На Рождество Беккеры завернули для нее марципаны и шоколадный пирог. Доктор Зиммер заходил к маме каждую неделю, хотя папа предпочитал франки в кармане припаркам и эликсирам, которые доктор назначал маме. Весной и летом фрау Зиммер платила свежими овощами и цветами из своего сада. Маме не пришлось ничего покупать на рынке.

Только Гилганы платили деньгами, но Марта никогда этих денег не видела.

— Герр Гилган говорит, что ты уже достаточно соображаешь, чтобы самой содержать отель. — Папа ядовито рассмеялся и обмакнул хлеб в горячий сыр. — А раз ты такая умная, значит можешь сделать так, чтобы Герман сдал экзамены.

— И как же я это сделаю, папа? — вспыхнула Марта. — Нужно чтобы Герман захотел учиться.

Отец покраснел от злости:

— Послушай, Герман, она считает, что ты тупой и не можешь учиться. Она все еще думает, что умнее тебя.

— Я не говорила, что умнее! — Марта отодвинула стул. — Просто мне было интересно учиться!

Папа встал и навис над ней:

— Вот и заинтересуй Германа, тогда я, возможно, снова отпущу тебя в школу. Если он опять провалится, ты мне ответишь! — Он наклонился через стол и заставил девочку снова сесть на стул. — Ты понимаешь меня?

На глаза набежали злые слезы:

— Я понимаю тебя, папа. — Она действительно слишком хорошо понимала его.

Отец схватил пальто и направился к дверям. Элис не поднимала головы, а мама даже не спросила, куда он отправился.

— Прости, Марта. — Мрачно изрек Герман со своего места.

Марта занималась с Германом каждый вечер, но безуспешно.

— Это так скучно! — стонал Герман. — А погода сегодня прекрасная.

Марта дала ему подзатыльник:

— И это мелочь по сравнению с тем, что я с тобой сделаю, если не сосредоточишься.

Он отодвинул свой стул от стола:

— Как только я вырасту, тут же брошу учебу и пойду в армию.

Марта пошла к матери:

— Мама, поговори с ним, пожалуйста. Он меня не слушает. — Возможно, если мама очень попросит, Герман будет стараться. — Как я могу надеяться снова пойти в школу, если этот болван отказывается пользоваться мозгами, которые ему дал Господь?

Припарки и эликсиры доктора Зиммера мало помогали, мама продолжала кашлять. Она выглядела слабой и бледной; одежда мешком висела на ее отощавшем теле. А косточки на запястьях походили на птичьи крылья.

— Ничем не могу помочь, Марта. Нельзя переделать собаку в кошку.

Марта упала на стул и уронила голову на руки:

— Из-за того что он безнадежен, я теряю последнюю надежду.

Мама перестала вышивать, воткнула иголку и положила ладонь на руку Марты:

— Ты узнаешь новое каждый день, от Беккеров и Гилганов. Нужно подождать, и увидишь, что сделает для тебя Господь.

Вздохнув, Марта вдела нитку в иголку, чтобы помочь маме.

— Все заработанные мной франки пойдут на оплату школы для Германа. А ему это не нужно, мама. Нисколько. — Ее голос задрожал. — Это нечестно!

— У Господа есть для тебя планы, Марта.

— Все планы строятся папой. — Она воткнула иголку в шерсть.

— Господь учит верить и подчиняться.

— Значит, я должна уступать человеку, который меня презирает и рушит мои надежды?

— Господь не презирает тебя.

— Я говорю о папе.

Мама не стала возражать. Марта остановилась и посмотрела на тонкие пальцы матери, они ловко протаскивали нить сквозь черную шерсть. Изящный эдельвейс уже начал проявляться. Мама завязала узелок и отрезала белую нитку, чтобы взять другую, желтую, и вышить центр цветка крошечными французскими узелками. Она закончила и улыбнулась Марте:

— Можно находить радость в хорошо сделанной работе.

Боль сжала грудь Марты:

— Я не такая как ты, мама. Ты смотришь на мир другими глазами.

Мама видела благодать во всем, потому что старательно ее искала. Как часто Марта наблюдала за тем, как мама облакачивается на кухонный стол, измученная, с каплями пота на лбу, и любит горными амадинами, которые перепархивают с ветки на ветку на дереве под окном. Ласковое слово от отца вызывало у нее нежную улыбку. Несмотря на его жестокость и эгоизм, мама все-таки находила, за что его любить. Иногда Марте доводилось видеть, как мама с жалостью смотрит на мужа.

— Ты знаешь, чего хочешь? — Спросила мама.

— Построить свою жизнь. Стать кем-то больше, чем служанка. — Глаза защипало. — Знаю, я напрасно мечтала об университете, мама, но очень хотела хотя бы окончить среднюю школу.

— А сейчас чего хочешь?

— Сейчас? Я хотела бы выучить французский. И еще английский и итальянский. — Марта снова воткнула иглу в ткань. — Любой человек, зная языки, сможет найти хорошую работу. — Она потянула нитку слишком резко, и та запуталась. — Но у меня никогда не будет...

— Остановись, Марта. — Мама легонько коснулась ее руки. — Ты делаешь только хуже.

Марта перевернула работу наизнанку и стала дергать петли, ослабляя их.

— А если бы тебе представилась возможность учиться? — Мама вопросительно посмотрела на девочку.

— Я бы нашла хорошую работу, чтобы скопить денег и купить домик.

— Ты хочешь такой же дом, как отель «Эдельвейс», верно? — Мама принялась за следующий цветок.

— Я и мечтать не смею о таком большом доме. Мне бы хватило пансиона. — Она грустно усмехнулась. — Я бы с радостью работала в хорошем магазине в Интерлакене, продавала бы туристам национальные платья дирндль*! — Она резко протащила нитку через ткань. — Только едва ли это возможно, верно? И какой смысл мечтать? — Она отшвырнула шитье и поднялась. Если она еще посидит, то просто задохнется.

* Дирндль — костюм альпийских регионов (Германия, Австрия, Лихтенштейн). Состоит из блузы с корсетом или облегающим лифом, широкой юбки и обязательного яркого фартука. — *Примеч. пер.*

— Возможно, это Господь, послал тебе мечту.

— Зачем?

— Чтобы научить терпению.

— Ах, мама... — Марта застонала. — Разве я не проявляю терпение, занимаясь со своим упрямым братцем? Разве не проявляла терпение, надеясь, что отец снова отправит меня в школу? Прошло целых два года, мама! Я делала все, что он велел. Мне уже четырнадцать! Розы больше не просит меня помогать ей в учебе. С каждым годом я тупею! Зачем нужно терпение, если ничего никогда не изменится?

— Чепуха. Иди сюда, присядь, глупышка. — Мама отложила работу и крепко взяла Марту за руки. — Посмотри, чему ты научилась у Беккеров, у фрау Фахс и фрау Зиммер, еще у Гилганов. Ты научилась печь, ухаживать за пчелами и детьми, и ты видела, как управляют хорошим отелем. Разве не заметно, что Господь готовит тебя...

Она крепче сжала руки девочки, когда Марта открыла рот, чтобы возразить.

— Помолчи, Марта и послушай меня. Слушай внимательно. Планы твоего отца значения не имеют, как не имеют значения и его мотивы. Господь обязательно восторжествует. Он использует все, для Своей доброй цели, если ты любишь Его и веришь.

Марте стало холодно. Она заметила в выражении матери нечто, что ее насторожило:

— Папа что-то решил насчет меня? Что именно, мама?

Голубые глаза матери заблестели от слез:

— Ты должна во всем находить благодать.

Марта выдернула руки:

— Скажи мне, мама.

— Я не могу. Отец сам должен сказать тебе. — Она снова взялась за шитье и больше не сказала ни слова.

Отец выложил Марте свой план на следующее утро:

— Ты будешь довольна, я отправляю тебя в школу. Нужно было сделать это раньше, но Бернская школа домоводства принимает девочек только с четырнадцати лет и старше. Граф и графиня Сентонж будут твоими учителями. Члены королевской семьи! Ты должна быть счастлива! Меня заверили, что любая девушка после этой школы сможет легко найти себе хорошую работу. Ты будешь жить в Берне шесть месяцев. Вернешь мне деньги, когда устроишься на работу.

— Верну деньги?

Его взгляд стал ледяным:

— Обучение стоит 120 франков и еще 30 за книги. Ты должна быть довольна. Ты же хотела пойти в школу. — И уже жестким голосом добавил: — Ты поедешь!

— Я не о такой школе думала, папа. — Будто он не знал!

— Ты же такая умная; посмотрим, как ты воспользуешься возможностью, данной тебе. Это моя тебе благодарность за Германа, он все-таки сдал экзамены. Как знать, если ты будешь хорошо учиться в Берне, то, возможно, получишь работу в замке Тун! — Эта мысль очень радовала его. — Будет чем похвастаться! Ты уезжаешь через три дня.

— А как же Беккеры, папа? И Зиммеры с Гилганами?

— Я сказал им, что ты уезжаешь в школу еще вчера. Они все желают тебе удачи.

Школа! Марта рассердилась. Скорее просто натаскивание, чтобы сделать более вышколенной прислугой.

Мама молча сидела на противоположном конце стола, сложив руки на коленях.

Марта сердито посмотрела на нее. Как это маме удастся сохранять спокойствие? Она вспомнила ее уговоры: «Ищи благодать... Радуйся удачам...»

Она впервые уедет из дома. Она будет жить в Берне. Она не будет видеть отца, не услышит его вечные жалобы.

— Спасибо, папа. Я очень хочу поехать.

Элис вскрикнула и выскочила из-за стола.

— Что теперь не так с этой девочкой? — пробурчал папа.

— Марта уедет из дома, Йохан.

— Но она ведь вернется! — Он в отчаянии махнул рукой. — Она же не уезжает навечно. Всего на шесть месяцев, а потом вернется навсегда.

У Марты волосы зашевелились на голове. Навсегда.

Как только отец ушел, мама попросила Марту найти Элис:

— Она, скорее всего, возле ручья. Ты же знаешь, как она любит слушать журчание воды.

Марта нашла сестру в том месте, где ручей впадает в Цулг, и присела рядом:

— Мне все равно придется когда-нибудь уехать, Элис.

Элис сидела, прижав колени к груди, и смотрела на поблескивающую рябь внизу.

— Но Берн это так далеко. — Ее синие глаза наполнились слезами. — А ты хочешь ехать?

— Я бы с большим удовольствием уехала в университет, но и школа домоводства сойдет.

— А как же мне жить без тебя? — По бледным щекам Элис потекли слезы.

— Как и раньше. — Марта вытерла сестре слезы. — Помогать маме.

— Но я буду спать в комнате одна. Ты ведь знаешь, я боюсь темноты.

— Пусть с тобой спит кошка.

Элис начала плакать:

— Ну почему все не может оставаться как есть? Почему папа не хочет позволить тебе остаться?

— Жизнь не может стоять на месте. — Марта убрала прядку волос со лба Элис за ухо. — Когда-нибудь ты выйдешь замуж, Элис. У тебя будет любящий муж, собственный дом. У тебя будут дети. — Марта печально улыбнулась и продолжила: — А когда уйдешь ты, что будет со мной? Папа говорит, что ни один мужчина не захочет жениться на такой простушке, как я, с плохим характером.

Элис моргнула, как ребенок, проснувшийся от страшного сна:

— Я думала, ты всегда будешь здесь.

Конечно! В Стеффисбурге, в портновской мастерской отца, у него под каблуком, исполняя его волю.

— Так думает папа. Неужели ты желаешь такого для меня, Элис?

— А тебе не страшно уезжать? — Слезы катились по щекам. — Я хочу оставаться дома рядом с мамой.

— Ты никуда не поедешь, Элис. — Марта легла на весеннюю траву и подложила руки под голову. — А я буду отсутствовать только шесть месяцев.

Элис тоже легла, положив голову Марте на плечо:

— Я бы хотела, чтобы ты осталась и никуда не уезжала.

Марта обняла сестру и смотрела в начинающее темнеть небо:

— Всякий раз, когда вспомнишь меня, молись, Элис. Молись, чтобы я научилась чему-нибудь полезному. Молись, чтобы в Берне я научилась не только работе горничной.

Марта отправилась поблагодарить Беккеров и Зиммеров и попрощаться с ними. А за день до отъезда навестила Гилганов. Фрау Гилган подала чай и печенье. Герр Гилган дал Марте двадцать франков.

— Это тебе, Марта. — Он вложил монеты ей в руку. Марта ничего не ответила, к горлу подступил комок.

Фрау Гилган предложила им с Розой прогуляться по лугу. Роза взяла подружку за руку:

— Мама не думает, что ты вернешься. Она считает, что ты найдешь работу в Берне и останешься там, а я снова смогу тебя увидеть, только когда наша семья отправится в столицу.

Гилганы ездили в Берн раз в несколько месяцев за покупками для отеля. Иногда Розы и сестры возвращались с новыми платьями из какого-нибудь магазина на Марктгассе.

Когда девушки устроились на своем любимом бревне, Розы подняла белый передник и принялась копаться в глубоком кармане юбки.

— У меня кое-что есть для тебя.

— Книга! — Марта с радостью приняла ее. Но заголовка на обложке не было, и она открыла переплет. — Чистые страницы?

— Ты можешь записывать в нее свои приключения. — Улыбнулась Розы. — Я рассчитываю, что ты их мне считаешь, когда мы увидимся. Хочу знать обо всех симпатичных парнях, с которыми ты познакомишься, о местах, где побываешь, и обо всем интересном, что с тобой произойдет.

Глотая слезы, Марта провела рукой по чудесному кожаному переплету:

— У меня никогда не было такой хорошей вещи.

— Как бы я хотела поехать с тобой. Там столько всего можно увидеть. Вот бы мы повеселились! К тому времени как я окончу школу, ты уже наймешься к какому-нибудь симпатичному аристократу, и он в тебя влюбится, а...

— Не говори глупостей. Никто не захочет на мне жениться.

Розы взяла Марту за руку, и их пальцы переплелись.

— Возможно, ты не так красива, как Элис, но у тебя много достоинств. Так думают все. Моя мама и папа считают, что ты можешь добиться всего, к чему стремишься.

— Ты им сказала, о чем я мечтаю? — Марта забрала свою руку.

— Да, в минуту слабости. Ладно, можешь ругать меня, но я ни о чем не жалею. Как думаешь, почему мама столько тебе рассказывала о том, как содержать отель?

По дороге вниз к Стеффисбургу Розы снова взяла подругу за руку:

— Обещай мне писать и рассказывать обо всем.

Марта сплела свои пальцы с пальцами Розы:

— Только если ты пообещаешь отвечать и писать не только об Арике Брехтвальде.

Они обе рассмеялись.